

Герберт Уэллс

Жена сэра Айзека Хармана

Перевод с английского
Виктора Хинкиса

ФТМ

Герберт Уэллс
Жена сэра Айзека Хармана

«ФТМ»

1914

Уэллс Г. Д.

Жена сэра Айзека Хармана / Г. Д. Уэллс — «ФТМ», 1914

ISBN 978-5-4467-3409-2

Леди Харман вышла замуж без любви, поддавшись уговорам своей семьи и богатого поклонника. Со временем героиня осознает, как мало у нее свободы: ей не позволено не только выражать свое мнение, но и просто иметь его. Знакомясь с движением суфражисток, она понимает, что каждой женщине необходима независимость. Но властный муж требует слепого повиновения и считает, что единственный долг жены – следить за домом и детьми. Где же кончается долг и начинается рабство? Герберт Уэллс писал: «В „Жене сэра Айзека Хармана“ я попытался объяснить себе и читателям, какие унижения и оскорбления побуждают нежную женщину бить стекла».

ISBN 978-5-4467-3409-2

© Уэллс Г. Д., 1914

© ФТМ, 1914

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Герберт Уэллс

Жена сэра Айзека Хармана

© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Глава первая

Знакомство с леди Харман

1

Автомобиль въехал в маленькие белые ворота и остановился у крыльца, над которым густо сплелись зеленые кудри жасмина. Шофер мотнул головой, словно хотел сказать: ну вот, приехали наконец. Высокая молодая женщина с большим нежным ртом, пышными иссиня-черными волосами, почти совсем закрывавшими широкий лоб, и карими глазами, такими темными, что они казались почти черными, слегка наклонилась вперед, окинув дом тем восхищенным и проникновенным взглядом, который у людей сдержанных выражает порой смутное еще желание...

Маленький домик сонно смотрел на нее из-под ставень своими окнами в белых рамах и не подавал никаких признаков жизни. За углом его виднелась лужайка и клумба дельфиниума, из-за которой доносилось тарахтение тачки.

– Кларенс, – сказала женщина уже не в первый раз.

Кларенс, всем своим видом давая понять, что это не входит в его обязанности, благоволил все же ее услышать, вышел из автомобиля и подошел к дверям дома.

– Кларенс, может быть... вы поищете звонок...

Кларенс бросил на дверь неприязненный взгляд, ясно показывавший, что, по его мнению, она ни к черту не годится, хотел было что-то возразить, но повиновался. Повиновался с таким видом, будто был уверен, что вслед за этим его заставят варить яйца или тачать башмаки. Он нашел звонок и дернул его слишком сильно, как и следовало человеку, который не обучен звонить в звонки. С какой стати ему это уметь? Ведь он шофер. Звонок не зазвонил, а, можно сказать, взорвался, и его звуки наводнили дом. Звон вырвался наружу из окон и даже из труб. Казалось, он никогда не умолкнет...

Кларенс подошел к автомобилю и поднял капот, заранее демонстративно повернувшись спиной ко всякому, кто выйдет на звонок. Как-никак он не лакей. Ладно уж, так и быть, он позвонил, а теперь ему надо заняться мотором.

– Ох, как громко! – беспомощно сказала женщина, обращаясь, по-видимому, к Господу Богу.

За изящными белыми колоннами отворилась дверь, и на крыльцо вышла маленькая красноногая старушка в чепце, который, видимо, надела наспех, не посмотревшись хорошенько в зеркало. Она бросила на автомобиль и на пассажирку недружелюбный взгляд поверх очков, сдвинутых, как и чепец, набок.

Женщина в автомобиле помахала розовой бумажкой – это был смотровой документ от агента по продаже недвижимости.

– Скажите, пожалуйста, это Блэк Стрэндс? – спросила она.

Старушка медленно подошла, враждебно глядя на розовую бумажку. Двигалась она осторожно, словно подкрадывалась.

– Это Блэк Стрэндс? – снова повторила женщина. – Может быть, я не туда попала, тогда простите, пожалуйста, за беспокойство, за этот громкий звонок и за все прочее. Не думайте...

– Блэк Стрэндс, – поправила старушка таким тоном, словно хотела пристыдить приехавшую даму, и вдруг взглянула на нее не поверх очков, а прямо сквозь стекла. Взгляд ее от этого не стал дружелюбнее, только глаза теперь казались гораздо больше. Она рассматривала даму в автомобиле, но при этом все время косилась на розовую бумажку.

– Я так понимаю, вы приехали дом осмотреть? – спросила она.

– Если только я никого не побеспокою, и если это удобно...

– Мистера Брамли нету, – сказала старушка. – А ежели у вас бумага, чего уж тут, смотрите.

– Если позволите. – Дама встала, высокая и стройная, закутанная в блестящий черный мех, – видимо, искушение боролось в ней с нерешимостью. – Очаровательный дом.

– Чистый сверху донизу, – сказала старушка. – Можете глядеть сколько душе угодно.

– В этом я не сомневаюсь, – сказала дама и, сбросив со своего гибкого, стройного тела пушистую шубу, осталась в красном платье. (Кларенс с неожиданной услужливостью открыл перед ней дверцу.) – Окна так и сияют, словно хрустальные.

– Этими вот самыми руками, – сказала старушка и посмотрела на окна, которые похвалила дама. Ее суровость сразу смягчилась, одрябла, как кожура упавшего яблока, когда оно полежит день-другой на земле. В дверях она обернулась и вдруг взмахнула рукой, как будто держала жезл. – Здесь холл, – объявила она. – Вот шляпы и трости мистера Брамли. К каждой шляпе или фуражке полагается специальная трость, и к каждой трости – специальная шляпа или фуражка, а на столе – перчатки к ним. Дверь справа ведет на кухню, а слева – в большую гостиную, там теперь кабинет мистера Брамли. – Потом, заговорив о вещах более нескромных, она понизила голос. – Вон за той дверью туалетная комната, там и умывальник.

– Здесь очень мило, – сказала женщина. – Так просторно, хоть потолок и не слишком высокий. А краски какие, просто чудо! И эти огромные итальянские картины! И какой прелестный вид открывается из окна!

– Вы еще не то скажете, когда по саду пройдете, – сказала старушка. – Миссис Брамли в нем души не чаяла. Почти все своими руками сажала. А теперь пожалуйста в гостиную, – продолжала она и открыла правую дверь, из-за которой послышался невнятный возглас, что-то вроде «А, черт!». Несколько полный, невысокий мужчина в широкой зеленовато-серой куртке, какие носили художники, стоял на одном колене у открытого окна и зашнуровывал башмак. У него было круглое, румяное, доброе и довольно приятное лицо, каштановые волосы были зачесаны набок, большой шелковый галстук бабочкой слегка сдвинут в сторону, как это принято у артистов и модных писателей. Черты лица были правильные, красивые, глаза выразительные, рот – совсем недурной формы. Сначала на лице у этого человека мелькнул лишь наивный ужас, как у робких людей, когда их застанут врасплох.

Но тотчас же в его умных глазах появилось восхищение.

Оба окинули друг друга оценивающим взглядом. Потом дама, которая с таким воодушевлением начала осматривать дом и теперь вынуждена была остановиться, извинилась и хотела уйти. (Между прочим, гостиная была просто восхитительна, вся такая веселая, а в нише у окна стояла большая белая статуя Венеры.) Она попятилась к двери.

– А я-то думала, вы вышли через балкон, сэра, – фамильярно сказала старушка и хотела было закрыть дверь, что прервало бы наш роман перед самой завязкой.

Но он окликнул ее, прежде чем она успела это сделать.

– Простите... Вы осматриваете дом? – спросил он. – Одну секунду. Позвольте, миссис Рэббит.

Он прошел через комнату, позабыв про шнурки, которые с неприличным шумом волочились по полу. Дама подумала, что совсем не так уж давно, в школьные годы, она не преминула бы ответить на такой вопрос: «Нет, гуляю вниз головой по Пикадилли», – но вместо этого она снова помахала розовой бумажкой.

– Агенты очень рекомендовали ваш дом, – сказала она. – Простите, что я врываюсь к вам вот так, без предупреждения. Конечно, мне следовало бы сначала написать, но я решила приехать неожиданно для самой себя.

Однако мужчина в галстук, какие носили ценители искусства – а у него был и глаз ценителя, – уже заметил, что дама молода, восхитительно стройна, очень мила или даже красива – этого он пока еще не определил – и на редкость элегантно одета.

– Я очень рад, что не ушел, – сказал он с удивительной решимостью. – Я сам покажу вам дом.

– Помилуйте, сэр, как можно? – возразила старушка.

– Ну вот! Показать дом! Что ж тут такого?

– Кухня... вы ничего не понимаете в плите, сэр – где уж вам! И потом – верхний этаж. Не можете же вы показать этой леди верхний этаж.

Хозяин дома поразмыслил обо всех этих затруднениях.

– Ну хорошо, я покажу все, что можно. И тогда, миссис Рэббит, милости прошу. А пока вы свободны.

– Боюсь, что ежели вы сейчас не пойдете на прогулку, то после чая совсем расклеитесь, – сказала миссис Рэббит, скрестив на груди жесткие маленькие руки и сурово глядя на него.

– Встретимся на кухне, миссис Рэббит, – твердо сказал мистер Брамли, и миссис Рэббит после короткой внутренней борьбы удалилась с недовольным видом.

– Мне не хотелось бы вас затруднять, – сказала дама. – Ведь я ворвалась без предупреждения. Надеюсь, я вас не обеспокоила... – Казалось, она хотела этим ограничиться, но не удержалась и добавила: – ...не обеспокоила слишком сильно. В противном случае скажите мне прямо, прошу вас.

– Ничуть, – сказал мистер Брамли. – Не выношу эти дневные прогулки, как арестант не выносит свой подневольный труд.

– Какая она милая, эта старушка!

– Она заменяет нам мать и теток – с тех самых пор, как умерла моя жена. Поступила к нам, как только мы поженились. Весь этот дом, – объяснил он, поймав вопросительный взгляд гостя, – создала моя жена. Когда-то это был ничем не примечательный домик на опушке вон того соснового леса – его предложил нам торговый агент. Ей понравилась планировка и этот холл. Конечно, мы его расширили. Вдвое. Здесь были две комнаты, поэтому и осталась приступка посередине.

– А окно с нишей?

– Это тоже она устроила, – сказал мистер Брамли. – Здесь всюду видны ее вкусы. – Он помолчал в нерешимости и снова заговорил. – Обставляя дом, мы полагали, что дела наши будут лучше... чем потом оказалось... и она могла дать волю фантазии. Многие тут привезено из Голландии и Италии.

– Какое чудесное старинное бюро с одной-единственной розой в вазочке!

– Это все она. Можно сказать даже, что и цветок она поставила. Конечно, время от времени его меняют. Это делает миссис Рэббит. Моя жена сама всему обучила миссис Рэббит.

Он тихонько вздохнул, видимо, подумав еще что-то о миссис Рэббит.

– И вы... вы пишете?.. – Дама помолчала, потом изменила свой вопрос, который, видимо, показался ей слишком прямым: – Вы пишете за этим бюро?

– Очень часто. Я, так сказать... немножко писатель. Быть может, вам попадались на глаза мои книги. Это не бог весть какие шедевры, но иногда их все же читают.

Румянец на ее щеках стал гуще. В маленькой головке лихорадочно застучала мысль: «Брамли? Брамли?» И наконец мелькнул спасительный луч.

– Неужели вы *Джордж* Брамли? – сказала она. – *Тот самый* Джордж Брамли?

– Да, я Джордж Брамли, – ответил он скромно, но не без гордости. – Быть может, вы видели мои книжечки о Юфимии? Их до сих пор читают больше всего.

Она лицемерно пробормотала что-то, подтверждая его слова, и покраснела еще сильнее. Но в это мгновение собеседник смотрел на нее не слишком пристально.

– Юфимия – это моя жена, – сказал он. – Или, во всяком случае, моя жена дала мне этот образ, вдохнула его в меня. – А это, – он понизил голос в неподдельном благоговении перед литературой, – был дом Юфимии.

– Я и сейчас еще пишу, – продолжал он. – Пишу о Юфимии. Не могу иначе. Здесь, в этом доме... где жива память о ней... Но это уже мучительно, просто невыносимо. Как ни странно, теперь это еще мучительней, чем вначале. И я хочу уехать. Хочу наконец порвать со всем этим. Вот почему я решил сдать или продать дом... пусть не будет больше Юфимии...

Он умолк.

Она окинула взглядом длинную светлую комнату с низким потолком, так уютно и удобно обставленную; белые стены, голландские часы, голландский шкаф, изящные кресла у камина, удобное бюро, окно, выходившее в сад, на солнечную сторону; во всем ощущалась страстная жажда жизни, и она остро почувствовала бренность всего сущего. Ей представилась женщина, такая же, как она, – только гораздо, гораздо умнее, – она старалась, обставляла комнату. А потом исчезла, превратилась в ничто. И оставила этого несчастного человека на попечении миссис Рэббит.

– Вы говорите, она умерла? – Дама мягко посмотрела на него своими темными глазами, и ее тихий голос прозвучал мило и естественно.

– Да, вот уже три с половиной года, – ответил мистер Брамли. Он подумал. – Почти день в день.

Он замолчал, и она тоже сочувственно молчала.

А потом он вдруг оживился, ободрился, стал очень деловитым. Он снова вывел ее в холл и начал объяснять:

– Тут у нас не только холл, но и столовая. Если мы не едим на веранде, то стол накрывают вот здесь, у этой стены. Дверь направо ведет в кухню.

Она снова обратила внимание на длинные, красочные, монументальные полотна, которые понравились ей с самого начала.

– Это копии с двух картин Карпаччо, изображающих подвиги святого Георгия, подлинники находятся в Венеции, – сказал он. – Мы купили их, когда вместе ездили туда. Но вы, без сомнения, видели подлинники. Помните, в маленьком старом домике, совсем темном, там же живет хранитель. Это один из уголков, где так много чудесного своеобразия, столь, мне кажется, характерного для Венеции. А ваше мнение?

– Я никогда не была за границей, – сказала она. – Ни разу. Мне очень хотелось бы поехать. А вы и ваша жена, наверное, часто там бывали.

На миг он удивился, что такая красивая женщина никогда не путешествовала, но ему так хотелось показать себя в самом лучшем свете, что он не стал об этом задумываться.

– Да, несколько раз, – сказал он. – Пока не родился наш мальчик. И мы всегда привозили что-нибудь для дома. Вот взгляните! – Он перешел красивый мощенный кирпичом дворик, остановился на изумрудной лужайке и повернулся к дому. – Вон тот рельеф делла Роббиа мы привезли из самой Флоренции, а маленький каменный бассейн, в котором купаются птицы, – из Сиены.

– Как красиво! – сказала она, молча любовавшись мрамором. – Просто изумительно. Кажется, даже если солнце зайдет, он все равно будет весь сверкать.

И она принялась восторгаться домом и садом, уверяя, что, как ни расхваливал их агент, на деле все оказалось еще лучше. А ведь стоит ей только захотеть, все это будет ее, стоит только захотеть!

Мелодичный голос, не очень сильный для ее роста, но необычайно приятный, чистый и нежный, как птичка, порхал по саду. Был погожий, тихий день; даже невидимая тачка перестала тархтеть и словно прислушивалась...

Одна только мелочь портила их непринужденную прогулку: его шнурки так и остались незавязанными. Он никак не мог улучшить минутку, чтобы нагнуться и зашнуровать башмаки. Обычно, нагибаясь, он кряхтел, сетовал на головокружение и с трудом попадал в петли. Он надеялся, что этот беспорядок в его туалете останется незамеченным. Указывая дорогу очаровательной гостье, он все время ловко держался чуточку позади. А гостья боялась, что ему будет неприятно, если она заметит эту небрежность его туалета и предложит ему без стеснения привести себя в порядок. Шнурки были довольно длинные, кожаные, они упорно волочились по земле, радуясь свободе, ни с чем не считаясь, точно какой-нибудь невежа, который насвистывает игривую песенку в древнем храме; «шлеп-шлеп, хлоп-хлоп» выстукивали они в свое удовольствие, и порой мистер Брамли, наступив на один из них, вдруг останавливался, а порой она чувствовала, что он никак не может приноровиться к ее шагу. Но человек ко всему приспособляется, и вскоре оба они, привыкнув к этим неудобствам, почти перестали их замечать. Они относились к шнуркам так, как воспитанные люди относились бы к тому невеже, – тактично не обращали на них внимания, подчеркнуто их игнорировали...

В саду было много такого, о чем люди часто мечтают, но дальше этого дело обычно не идет. Там был цветущий розарий с колонками и арками из роз – целый каскад роз, словно высыпавшихся из рога изобилия, – тщательно ухоженные плодовые деревья, стволы которых были побелены ровно до половины, каменная стена, увитая лимоном, а на веревке сушились синие и белые фланелевые рубашки мистера Брамли, такие яркие, что они казались неотъемлемой принадлежностью сада. Кроме того, там была широкая куртина вечнозеленых трав, с дельфиниумом и аконитами, которые уже расцвели, и с мальвами, на которых распускались бутоны; куртина казалась еще красочней на фоне холма, поросшего темными соснами. Этот чудесный сад не был обнесен изгородью; он переходил прямо в сосновый бор, и только невидимая сетка отмечала границы сада и оберегала его от любопытных кроликов.

– Весь этот лес наш, до самой вершины холма, – сказал он. – А оттуда открывается прекрасный вид на две стороны. Не угодно ли вам...

Она объяснила ему, что для того и приехала, чтобы увидеть как можно больше. Это желание так и светилось на ее лице. И он, перекинув через руку ее боа, зашлепал вверх по склону. «Шлеп-шлеп-шлеп». Она застенчиво пошла следом.

– Я могу показать вам только вид в эту сторону, – сказал он, когда они добрались до вершины. – С той стороны было еще лучше. Но ее испортили... Ах, эти холмы! Я знал, что они вам понравятся. Какой простор! И... все же... тут не хватает сверкающих прудов. А там, вдали, есть чудесные пруды. Нет, я должен показать вам и ту сторону. Но там проходит шоссе, и теперь появилась эта гадость. Пройдемте сюда. Вот. Пожалуйста, не смотрите вниз. – Он жестом как бы зачеркнул передний план. – Смотрите прямо поверх всего этого, вдаль. Вон туда!

Она оглядела пейзаж с безмятежным восхищением.

– Не вижу, – сказала она. – Пейзаж несколько не испорчен. Это – само совершенство.

– Не видите! Ах! Вы смотрите выше. Поверху. Если бы я мог так! Но какая кричащая реклама! Хоть бы этот человек подавился своими корками!

И в самом деле, прямо под ними, у поворота шоссе, была установлена реклама питательного хлеба, восхвалявшая этот животворный продукт, который продается только «Международной хлеботорговой компанией»; яркая желтизна и берлинская лазурь так и лезли в глаза, опошляя пейзаж.

Дама с недоумением взглянула туда, куда он указывал пальцем.

– А! – сказала вдруг она таким тоном, словно поняла, что совершила ужасную глупость, и слегка покраснела.

– По утрам это выглядит еще ужасней. Солнце светит прямо на нее. И уж тогда пейзаж совсем испорчен.

Некоторое время она молчала, глядя на дальние пруды. А потом он заметил, что она покраснела. Она повернулась к нему, как ученик, не выучивший урока, к учителю.

– Но ведь это действительно очень хороший хлеб, – сказала она. – Его делают... Право же, его делают наилучшим образом. Добавляют в тесто тонизирующие вещества. И надо ведь, чтобы люди об этом знали.

Услышав это, он удивился. Он был уверен, что она покорно с ним согласится.

– Но рекламировать его здесь! – сказал он.

– Да, пожалуй, здесь не место.

– Не хлебом единым жив человек.

Она едва слышно согласилась.

– Это дело рук одного ловкача по фамилии Харман. Вы только представьте себе его! Только вообразите! Вы не чувствуете, что он незримо здесь присутствует и портит все? Это какая-то куча, гора теста, он ни о чем не способен думать, кроме своих презренных, жирных барышей, не находит в жизни никакой прелести, не видит красоты мира, ничего, кроме того, что кричит, бросается в глаза, помогает ему торжествовать над его несчастными конкурентами и несет нам вот это! Перед вами квинтэссенция всей мировой несправедливости, грязное, бесстыдное торгашество! – Потом вдруг мысль его приняла иное направление. – И подумайте только, четыре или пять лет назад этого осквернителя пейзажей наградили титулом баронета!

Он посмотрел на нее, ожидая сочувствия, и тут в голове у него мелькнула догадка. Мгновение назад он ничего не подозревал и вдруг понял все.

– Видите ли, – поспешно сказала она, как будто он вскрикнул от охватившего его ужаса, – сэра Айзек – мой муж. Конечно... я должна была сразу назвать себя. Как глупо с моей стороны...

Мистер Брамли бросил на рекламу отчаянный взгляд, но ни единым словом не смягчил свое суждение. Это была низменная реклама низменного товара, низменно, с претензией преподнесенная.

– Дорогая моя леди, – сказал он в самом возвышенном стиле, – я в отчаянии. Но слово не воробей... Это очень некрасивая реклама. – Он вспомнил, какие употреблял выражения. – Умоляю вас простить мне некоторые... слишком сильные слова.

Он отвернулся, словно решив не замечать больше рекламу, но дама, слегка нахмутив брови, продолжала рассматривать этот объект его нападок.

– Да, некрасивая, – сказала она. – Я иногда об этом думала... Некрасивая...

– Умоляю вас забыть мой порыв, мое невольное раздражение, вызванное, вероятно, тем, что я особенно люблю вид, который открывается отсюда. Это все... воспоминания...

– Как раз недавно я задавала себе вопрос, – продолжала она, словно размышляя вслух, – что люди об этом думают. И вот любопытно было услышать...

Оба замолчали. Она рассматривала рекламу, а он – ее высокую фигуру, замершую в непринужденной позе. И он подумал, что никогда в жизни не видал еще такой красоты. Пусть хоть вся округа покроется рекламами, если благодаря им здесь появилась такая женщина. Он чувствовал необходимость что-то сказать, как-то исправить положение, но не знал, как быть, его умственные способности отказывались служить ему и словно целиком обратились в зрение, а она тем временем снова заговорила с искренностью человека, который думает вслух.

– Видите ли, – сказала она, – многое узнается слишком поздно. Правда, кое-что подозреваешь... и вот... когда девушка выходит замуж совсем юной, она многое склонна принимать как должное. А потом...

«Как много она сказала, не сказав почти ничего!» – подумал он, все еще не находя спасительной фразы. А она продолжала свою мысль:

– Эти рекламы видишь так часто, что наконец перестаешь замечать.

Она снова повернулась к дому; он радовал глаз яркими полосами меж красноватыми стволами сосен. Она смотрела, подняв голову, с безмолвным одобрением, – стройное, оча-

ровательное создание, полное достоинства – а потом наконец заговорила так, будто никакой рекламы и в помине не было.

– Здесь словно уголок какого-то иного мира; такой веселый и такой... прекрасный.

Она сказала это с едва заметным вздохом.

– Надеюсь, вам понравится наш грот, – его мы особенно старались украсить. Из каждой заграничной поездки мы привозили что-нибудь – семена заячьей капусты, или альпийских цветов, или какую-нибудь луковичу, выкопанную у дороги.

– И вы можете расстаться со всем этим!

Он хотел расстаться со всем этим, потому что все это надоело ему до смерти. Но так уж сложно устроен человеческий ум, что мистер Брамли ответил с полнейшей искренностью:

– Я буду очень тосковать... Но мне необходимо уехать.

– Ведь вы здесь так долго жили, здесь написали почти все свои книги!

Уловив сочувствие в ее голосе, он заподозрил, что она думает, будто он продает дом из-за бедности. Если писатель беден, значит, он не популярен, а мистер Брамли ценил свою популярность – разумеется, в избранном кругу. Поэтому он поспешил объяснить ей причины своего отъезда.

– Я вынужден сделать это, потому что ни я, ни мой сын не можем здесь жить полной жизнью. Слишком много воспоминаний связано с этим домом, где мы достигли идеала красоты. Сына уже нет здесь, он учится в приготовительной школе в Маргейте. И я чувствую, что для нас лучше, здоровее уехать совсем, хотя мы будем тосковать. Конечно, для нового хозяина все будет иначе, но для нас здесь все исполнено воспоминаний, от которых нам не избавиться никогда, до самой смерти. Здесь все неизменно. А жизнь, знаете ли, это сплошные перемены, перемены и движение вперед.

После этого обобщения он многозначительно замолчал.

– Но вы, наверно, хотите... хотите, чтобы дом попал в руки... людей, которые могут вам сочувствовать. Людей... – она запнулась, – которые поймут...

Мистер Брамли сделал решительный шаг – разумеется, только на словах.

– Поверьте, я никого так не хотел бы видеть в этом доме, как вас, – сказал он.

– Ну что вы... – запротестовала она. – Ведь вы меня совсем не знаете!

– Есть вещи, которые узнаешь сразу, и я уверен, что вы... все поймете так, словно мы знаем друг друга двадцать лет. Вам это может показаться нелепым, но когда я поднял голову и в первый раз вас увидел, я подумал: вот она, новая хозяйка. Это ее дом... Тут не может быть сомнений. Вот почему я пошел не на прогулку, а с вами.

– И вы в самом деле хотите, чтобы мы сняли этот дом? – спросила она. – Не передумали?

– Лучшей хозяйки я не мог бы пожелать, – сказал мистер Брамли.

– Несмотря на эту рекламу?

– Пускай их будет хоть сотня, я отдаю вам дом...

«Мой муж, конечно, согласится, – подумала леди Харман. Она заставила себя отбросить мрачные мысли. – Я как раз мечтала о чем-нибудь таком, без вульгарной пышности. Сама я не сумела бы такое создать. Ведь это не каждый может – создать дом...»

2

Весь их дальнейший разговор показался мистеру Брамли воплощением чудесного сна. Оживленно болтая, он вскоре снова обрел непринужденность и уверенность в себе, в душе у него ликовали десятки тщеславных демонов, восхваляя его за чуткость, за то, что он решительно отказался уйти на прогулку. А случай с рекламой теперь каким-то удивительным образом казался просто невероятным; он чувствовал, что ничего этого не было, а если было, то совсем не так. Во всяком случае, сейчас ему недосуг было раздумывать об этом. Он повел

гостью к двум маленьким оранжереям, обратил ее внимание на то, как ярки осенние краски куртины, а потом они направились к гроту. Наклонившись, она ласково гладила и, казалось, готова была целовать нежные головки заботливо выращенных камнеломок; она оценила хитроумное приспособление для мхов – там же росла росянка; опустила на колени перед горечавками; у нее нашлось доброе слово для этого праздничного уголка, где запоздало цвела «Гордость Лондона»; она ахнула, увидя нежные исландские маки, которые пробивались меж грубыми камнями мощеной дорожки; так, довольные друг другом, они дошли до скамейки, стоявшей на возвышении, в самом сердце сада, присели и одним взглядом окинули все: дальний лес, густые куртины, аккуратно подстриженную лужайку, еще аккуратнее обработанный плодовый сад, увитую зеленью беседку, прелестные цветы среди камней, шпиль над сверкавшим белизной домом, створчатые окна, высокий мезонин, тщательно подогнанную старую черепицу на крыше. И все это купалось в ласковом свете солнца, которое не палило и не обжигало, а золотило и приятно согревало кожу – в свете того летнего солнца, какое знают лишь северные острова.

Мистер Брамли, оправившись от удивления и неловкости, снова стал самим собой, сделался разговорчивым, интересным, тонким и слегка язвительным. Это был тот редкий случай, когда можно без преувеличения употребить избитое выражение: он был очарован...

Мистер Брамли принадлежал к числу тех непосредственных людей с пылким воображением, для которых женщины – самое интересное в нашем огромном мире. Это был превосходный человек и, можно сказать, профессиональный поборник добродетели, своим пером он поддерживал нерушимость домашнего очага, был враждебен и даже решительно враждебен всем влияниям, которые могут подорвать или изменить что бы то ни было; но женщины влекли его к себе. Они постоянно занимали его мысли, он любил смотреть на них, бывать в их обществе, всячески старался доставить им удовольствие, заинтересовать их, втайне часто о них мечтал, любил покорять их, пленять своим умом, дружить с ними, обожать их и чтобы они его обожали. Порой ему приходилось себя обуздывать. Порой, чтобы скрыть свое пылкое нетерпение, он становился странным и замкнутым... К представителям своего пола он был более или менее безразличен. Словом, это был мужчина в полном смысле слова. Даже такие отвлеченные понятия, как добродетель и справедливость, представлялись ему в образах очаровательных женщин, и когда он брался за перо, чтобы написать критическую статью, то его вдохновляла красивая фигурка дельфийской сивиллы.

Так что за каждым движением леди Харман следил изощренный, очень внимательный глаз, и опытное ухо ловило каждое слово, каждую нотку ее голоса, когда она изредка открывала рот, чтобы принять участие в беседе. В обществе мистер Брамли пользовался преимуществами популярного и светского писателя, и ему приходилось иметь дело с самыми разными женщинами; но он еще не встречал ни одной, хоть в малейшей степени похожей на леди Харман. Она была прелестная и совсем еще юная; он не дал бы ей даже двадцати четырех лет; она держалась с такой простотой, как будто была гораздо моложе, и с таким достоинством, как будто была гораздо старше; и потом, ее окружал ореол богатства... Такими бывают иногда молодые еврейки, вышедшие замуж за богачей, но, несмотря на очень темные волосы, леди Харман была совсем не еврейского типа; ему подумалось, что она, вероятно, родом из Уэльса. О ее выскочке муже напоминало только одно – она явно платила бешеные деньги за самые дорогие, красивые и изысканные вещи; но это никак не сказывалось на ее манерах, таких спокойных, скромных и сдержанных, что лучше трудно себе представить. Что же до мистера Брамли, то он любил богатство и на него произвели впечатление меха, стоившие целую кучу гиней...

Вскоре он уже сочинил коротенькую историю, которая была недалеко от истины: отец, вероятно, умер, небогатая семья, едва сводившая концы с концами, брак по расчету лет в семнадцать, и вот...

Пока глаза и мысли мистера Брамли были заняты всем этим, язык его тоже не бездействовал. Мистер Брамли играл свою роль с искусством, приобретенным за многие годы. Делал он это почти бессознательно. Он сыпал намеками, как бы нечаянными откровенностями и случайными замечаниями с небрежной уверенностью опытного актера, и постепенно в ее воображении возникла картина: молодые влюбленные, изысканные, счастливые – в них есть что-то от богемы, и одному из них суждено умереть, они живут вместе среди лучезарного счастья...

– Наверное, чудесно было начать жизнь вот так, – сказала или, вернее, вздохнула она, и у мистера Брамли мелькнула радостная мысль, что эта прелестная женщина завидует его Юфимии.

– Да, – сказал он, – по крайней мере у нас была своя Весна.

– Жить вместе и в такой восхитительной бедности... – сказала она.

В отношениях между людьми, каковы бы они ни были, неизбежно наступает минута, когда нельзя обойтись без обобщений. Мистер Брамли, довольно искушенный в таких разговорах с женщинами, утратил свежесть чувств. Во всяком случае, он, не поморщившись, изрек:

– Жизнь порой так удивительна!

Леди Харман помолчала немного и отозвалась задумчиво, словно припоминая что-то.

– Да, конечно.

– Когда теряешь самое ценное, кажется, что невозможно жить дальше, – сказал мистер Брамли. – И все-таки живешь.

– А у других ничего ценного и нет... – проговорила леди Харман.

И замолчала, почувствовав, что сказала слишком много.

– В жизни есть какое-то упорство, – сказал мистер Брамли и остановился, словно на краю пропасти.

– По-моему, главное – надеяться, – сказала леди Харман. – И не думать. Пусть все идет своим чередом.

– Пусть все идет своим чередом, – согласился мистер Брамли.

На некоторое время они оба задумались об одном, как две бабочки, играя, садятся на один цветок.

– Вот я и хочу уехать отсюда, – снова заговорил мистер Брамли. – Сначала поживу с сыном в Лондоне. А потом, когда его отпустят на каникулы, мы, пожалуй, отправимся путешествовать: поедем в Германию, в Италию. Когда он со мной, мне кажется, что все как бы начинается сначала. Но и с ним мне придется расстаться. Рано или поздно я должен буду отдать его в закрытую школу. Пускай изберет собственный путь...

– Но вы будете скучать без него, – сказала леди Харман сочувственно.

– У меня останется работа, – сказал мистер Брамли с какой-то мужественной грустью.

– Да, конечно, работа...

Она красноречиво умолкла.

– В этом и есть счастье, – сказал мистер Брамли.

– Хотела бы я, чтобы и у меня была какая-нибудь работа, – сказала леди Харман с внезапной откровенностью и слегка покраснела. – Что-нибудь... свое.

– Но ведь у вас есть... светские обязанности. Их, я думаю, немало.

– Да, немало. Наверное, я просто неблагодарная. У меня ведь есть дети.

– У вас дети, леди Харман!

– Четверо.

Он был искренне удивлен.

– И все они ваши?

Она удивленно посмотрела ему прямо в лицо своими нежными, как у лани, глазами.

– Конечно, мои, – сказала она с недоуменным смехом. – А чьи же еще?

– Я думал... Может быть, они приемные.

– А, понимаю! Нет! Они мои, все четверо. Я их мать. В этом, по крайней мере, сомневаться не приходится.

И она снова вопросительно посмотрела на него, не понимая, к чему он клонит.

Но мистер Брамли думал о своем.

– Видите ли, – сказал он, – в вас есть что-то очень свежее. Очень похожее на... Весну.

– Вы решили, что я еще совсем молоденькая! А ведь мне скоро двадцать шесть. Но хотя у меня есть дети, все же... почему бы женщине не иметь своего занятия, мистер Брамли? Несмотря на это.

– Но ведь это, без сомнения, самое прекрасное занятие на свете.

Леди Харман задумалась. Казалось, она колеблется, не зная, продолжать или нет.

– Понимаете, – сказала она. – У вас, вероятно, все было иначе... а у моих детей целая куча нянек, и со мной почти не считаются.

Она густо покраснела и перестала откровенничать.

– Нет, – сказала она. – Я хотела бы иметь какое-нибудь свое занятие.

3

В этот миг их разговор прервал шофер; он сделал это несколько необычным, как показалось мистеру Брамли, образом, но леди Харман, видимо, считала, что нет ничего естественней на свете.

Мистер Кларенс прошел через лужайку, оглядывая самый очаровательный сад, какой только можно себе представить, с презрением и враждебностью, столь свойственными шоферам. Он даже не коснулся фуражки, а лишь показал, что может дотянуться до нее рукой, если пожелает.

– Вам пора, миледи, – сказал он. – Сэр Айзек приедет с поездом пять тридцать, и мы не оберемся неприятностей, если вы в это время не будете дома, а я на вокзале, честь честью.

В такой поспешности явно было что-то неестественное.

– Неужели надо ехать уже сейчас, Кларенс? – спросила женщина, взглянув на часы. – Разве целых два часа...

– Даю вам еще пятнадцать минут, миледи, – сказал Кларенс, – да и то придется выжать из машины все и ехать прямой дорогой.

– Но я не отпущу вас без чая, – сказал мистер Брамли, вставая. – И вы еще не видели кухню.

– И верхний этаж! Боюсь, Кларенс, что на этот раз вам придется, как это... выжать все.

– И уж тогда никаких «Ах, Кларенс!», миледи.

Она пропустила это мимо ушей.

– Я сейчас скажу миссис Рэббит! – воскликнул мистер Брамли и сорвался с места, но как-то неудачно наступил на свой шнурок и упал со ступеней вниз.

– Ах! – вскрикнула леди Харман. – Осторожней! – И стиснула руки.

Падая, он невнятно чертыхнулся, но тотчас же не встал, а вскочил на ноги, как видно, несколько не упав духом, со смехом показал ей свои перепачканные землей руки, с притворным огорчением взывая о сочувствии, и пошел к дому, уже осторожнее. Колени у него были зеленые от травы. Кларенс, который остановился, чтобы насладиться этим зрелищем, пошел по соседней дорожке к кухне, предоставив леди самой себе.

– А вы не выпьете чашечку чая? – спросил мистер Брамли.

– Отчего ж не выпить, – сказал Кларенс снисходительно, как человек, который забавляется, разговаривая с низшим...

Миссис Рэббит уже накрыла чайный стол на уютной веранде и обиделась, узнав, что они могли подумать, будто чай не готов.

Мистер Брамли на несколько минут скрылся в доме.

Когда он вернулся, на лице его было написано нескрываемое облегчение – он вымыл руки, отчистил зеленые пятна на брюках и туго зашнуровал башмаки. Леди Харман уже разливала чай.

– Простите, – сказала она, оправдываясь в том, что так мило взялась распорядиться за столом, – но автомобиль должен ждать мужа на вокзале... А он, по правде говоря, понятия не имеет...

И она предоставила мистеру Брамли самому догадываться, о чем не имеет понятия сэр Айзек.

4

В тот вечер мистер Брамли решительно не мог работать. Все его мысли были заняты темноволосяй красавицей, которая так неожиданно вошла в его жизнь.

Возможно, это было предчувствие. Во всяком случае, его необычайно взволновали события минувшего дня – в конце концов, ведь ничего особенного не произошло. Разговор, и только. Но он не мог не думать об этой женщине, о ее стройной, закутанной в меха фигуре, темных доверчивых глазах, красивых, нежных, но твердо очерченных губах, о ее пленительной простоте, сочетавшейся с редким самообладанием. Он снова и снова вспоминал про конфуз с рекламой, собирал все мельчайшие подробности, как голодающий после скудной еды собирает крошки. Он вспоминал ее достоинство, ее милую, искреннюю готовность простить его; ни одна королева в наши дни не могла бы с ней сравниться... Но это было не просто эстетическое восхищение. Что-то большее таилось в этой женщине, в этой их встрече.

Такое чувство знакомо многим. Оно шепчет: вот человек, такой хороший, такой смелый, и как бы он ни был далек в своем блеске и гордости, все же каким-то неведомым и странным образом, глубоко и неисповедимо, он твой. Вот почему ее неповторимость, ее душевные достоинства и красота так завладели мыслями мистера Брамли. Без этого он испытывал бы к ней только сторонний интерес. Но ее существо было проникнуто неуловимым ощущением близости ко всему тому, что близко и дорого ему, Брамли; ей близка и любовь к прелестным маленьким домикам, и возмущение крикливыми рекламами в живописных местах; она была с ним против чего-то, что пряталось за этой рекламой, против того, откуда она пришла. Он попытался представить себе, что же это такое. Тесный, замкнутый мирок, обилие денег, рождающее ужас и зависть. Жизнь, можно сказать, самая низменная, так что Карпаччо, делла Роббиа, старинная мебель, скромный, но прелестный садик и вся эта литературная атмосфера должны были показаться ей совсем иным, желанным миром. (К тому же она никогда не была за границей.) И этот мир так жаждал принять ее всю целиком, вместе с ее мехами, богатством, красотой...

Все эти размышления одушевлял теплый июньский вечер, потому что весенние соки бродили не только в деревьях в саду у мистера Брамли, но и в нем самом, и всю жизнь он весной испытывал непреодолимое беспокойство. Весна обострила его чувства, и вот он весь в огне.

Он был решительно не в состоянии работать, и целых двадцать минут просидел, ничего не прибавив к изящной легкости короткого премиленького очерка о садике при доме Шекспира, который при помощи справочника и природных способностей он писал для сборника о Национальном Шекспировском театре. Потом он решил, что надо бы пойти прогуляться, взял шляпу и трость, вышел и принялся рассматривать все ту же желто-синюю рекламу, но уже совсем иными глазами...

Теперь ему казалось, что он не использовал до конца свое красноречие, и некоторое время это не давало ему покоя...

Когда стало смеркаться, он шагнул по тропинке далеко за сосновым лесом, через заросли вереска по берегу озера, темного и ржавого, как железная руда. Он думал вслух, обращаясь к летучей мыши, которая неторопливо кружила над ним.

– Увижу ли я ее еще когда-нибудь? – спросил он.

Под утро, когда ему давно следовало бы крепко спать, он решил, что она, конечно, снимет дом, и он увидит ее еще не раз. Тут была богатая пища для воображения, возможность сплести самый сложный узор всяческих подробностей. И мистер Брамли долго предавался фантазиям, которые становились все более смутными, сияющими и интимными по мере того, как он погружался в сон...

На другой день очерк о саде Шекспира по-прежнему оставался в небрежении, а мистер Брамли сочинил милую, туманную песенку о скорбящем смертном и о свежем дыхании, напомнившим ему Персефону, которая вновь явилась весной из мрака и благословила его.

К полудню он овладел собой, поехал на велосипеде в Горшотт, позавтракал там в клубе, сыграл в гольф с Хоресом Тумером, а после чая перечитал свое стихотворение, решил, что оно плохое, порвал его и снова засел за маленькое сочинение о саде Шекспира, над которым и просидел целых два часа перед ужином. Он писал о том, как этот поэт, которому так посчастливилось (его бессмертие теперь решительно подтверждено авторитетной комиссией), гулял по саду в Стрэтфорде с дочерью, усердно цитируя себя, очень точно, но совершенно не к месту, что делало больше чести его сердцу, нежели уму, а также уснащая свою речь множеством высказываний, несомненно принадлежавших мистеру Брамли. И когда миссис Рэббит с заботливостью, перенятой у покойной миссис Брамли, спросила, как подвигается работа – она обеспокоилась, увидев у него на столе бумажку со стихами, – он мог, не кривя душой, ответить, что «работа так и кипит».

Глава вторая

Личность сэра Айзека

1

Заметим, что два обстоятельства, которые обычно считаются важнейшими в жизни женщины, почти не произвели впечатления на мистера Брамли, как будто это были совершенные пустяки. Во-первых, у леди Харман было четверо детей, а во-вторых – на свете существовал сэр Айзек.

Мистер Брамли почти не задумывался ни о том, ни о другом; в противном случае образ, который он создал, был бы разрушен, а когда он все же начинал об этом думать, то утешался мыслью, что эти мелочи, в сущности, ничего не добавляют к этому ее образу.

Но все же он попытался вспомнить, что именно она сказала о своих детях. Ему не удалось восстановить в памяти ее слова, если только она вообще сколько-нибудь ясно дала ему понять свое чувство, что эти дети как бы не совсем ее. «Просто так получилось, когда она загубила свою молодость, выйдя за Хармана», – предположил он.

Няньки и гувернантки, которым платят огромные деньги, все самое лучшее, что может купить богач, лишенный благородства и воспитания. К тому же, вероятно, есть и свекровь.

А что же сам Харман?..

Тут мистери Брамли приходилось отступать просто из-за недостатка сведений. Эта женщина, реклама, общее представление о деятельности Хармана, владевшего сетью закусочных и кондитерских, – всего этого было мало. Без сомнения, это самый заурядный человек, торгаш; энергичный и, разумеется, лишенный щепетильности, он преуспел, ловко используя возможности той промышленной революции, которая повсюду вытесняет мелких предпринимателей и насаждает синдикаты; успехи преисполнили его самодовольством, хотя в конце концов он достоин жалости – и эта молодая богиня видит, что она очутилась... Тут мысли мистера Брамли устремились к более приятной теме – о молодой богине, которая очутилась... И лишь позднее, через несколько дней, сэр Айзек занял должное место в его размышлениях.

2

Играя в гольф с Хоресом Тумером, он узнал о сэре Айзеке кое-что более определенное. Мысли его были так полны леди Харман, что ни о чем другом он говорить не мог.

– Вероятно, я скоро сдам дом в аренду, – сказал он, когда они с Тумером возвращались в клуб, сияя удовлетворением, как и положено английским джентльменам, сыгравшим в подобающую игру подобающим образом. – Этому Харману.

– Неужели тому самому, который продает «питательный хлеб»?

– Да. Это странно. Особенно если учесть, как я ненавижу его рекламу.

– Во всяком случае, надо заставить его раскошиться, – сказал Тумер. – Говорят, у него прехорошенькая жена, и он держит ее взаперти.

– Она ко мне приезжала, – сказал Брамли, но не счел нужным добавить, что приезжала одна.

– В самом деле хороша?

– По-моему, просто очаровательна.

– Он ужасно ревнив. Я где-то слышал, что он приказал шоферу не возить ее по Лондону, а только по окрестностям. Говорят, они живут в большом уродливом доме на Пулни-хилл. А вы не заметили в ней... чего-нибудь такого?..

– Нимало. Она самая порядочная женщина, какую мне довелось видеть.

– Уж очень он противный тип, – сказал Тумер.

– В нравственном смысле?

– Да нет, вообще. Посвятил свою жизнь разорению мелких хозяев, и делает это просто так, из любви к искусству. И потом, он чуть ли не инвалид, у него какая-то странная болезнь почек. Иногда он по целым дням лежит в постели, пьет контрексевильскую воду и придумывает, как разорить честных людей... а либеральная партия добилась для него титула баронета.

– Партии нужны деньги, Тумер.

– Но он дал не так уж много. Блэптон – это почетный идиот. Всем заправляет миссис Блэптон. Да и чего можно ждать, когда...

(Но тут Тумер принялся злословить.)

Тумер был человек своеобразный. На его скверный характер повлияло обучение в закрытой школе и в университете. Он сформировался под действием двух враждебных сил. Говорили, что дух непристойности был у него в крови; и под влиянием таких формирующих сил он из кожи вон лез, стараясь стать английским джентльменом. Его постоянно одолевал таинственный зуд, который побуждает молодых людей выступать с ужасными обвинениями против добропорядочных людей и публично клеймить чистоту и приличие на редкость некрасивыми словами, и не менее упорной была в нем благоприобретенная тяга ко всему выдающемуся, ко всякому успеху, к доброй славе. В результате под действием этих противоположных сил он стал рьяным защитником прочно установившихся обычаев. В своем журнале «Английский критик» он беспощадно обрушивался на все свежее, радикальное, на все благородные и новые начинания, которые удавалось истолковать в дурную сторону, и когда злобный йеху, сидевший в нем, побуждал его выходить за рамки претенциозного достоинства этого печатного органа, он изливал свою желчь в веселой на вид брошюре с яркой обложкой и причудливыми гравюрами, где старался назвать как можно больше имен известных людей, причем маска абсурдности должна была прикрыть, а если нужно, то и извинить личные клеветнические нападки. Так ему удавалось облегчать душу и в то же время преуспевать. Харман в то время только недавно проник в тот класс, который Тумер считал себя вправе поносить. Харман был чужой, враждебный, новый человек, один из тех, кто получил титул благодаря миссис Блэптон, и не имел веса в обществе; поэтому его можно было травить; но все-таки он перестал быть новичком. Тумер уже почти исчерпал свои нападки на него, у него была куча денег, и знаменитый журналист и сатирик несколько умерил свой пыл, расписывая его мистеру Брамли. Его мягкий, слегка усталый голос сочился сквозь усы, как дымок легкого табака.

– Собственно говоря, лично я ничего не имею против этого Хармана. У него молоденькая жена, совсем ему не пара, и он ревниво ее оберегает, но это только делает ему честь. В наше время. И если бы не его вопиющие дела... и не этот титул... Видимо, он не в силах противостоять искушению заграбастать все, что только можно. По-моему, хлеб, который пекут огромными партиями и распродают, как газету, – это совсем не то, что хлеб нашего старого честного булочника, который каждую булку пек отдельно из доброй английской муки, смолотой вручную, и лично знал каждого покупателя. Но постепенно эти крупные махинации заполняют все; Чикаго завоевывает мир. Одно тянет за собой другое – табак, чай, ветчина, лекарства, книготорговля. Почтенные фирмы рушатся одна за одной. Иное дело – Харман. Девушки из его лондонских кафе, конечно, должны еще подрабатывать проституцией – в наше время тут и сказать нечего, вспомните, какие у нас пишут романы. А что он делает с пейзажем... Изю всех сил старался заполучить Шекспировский утес в Дувре, но дело сорвалось. А вот Жабью скалу в Танбридже он на время заполучил. И все же, – тут у Тумера вырвалось что-то похо-

жее на вздох, – личная его жизнь, кажется, ничем не запятнана... Не сомневаюсь, что причиной тут его слабое здоровье. Я навел подробные справки, когда впервые обсуждался вопрос о пожаловании ему титула. Должен же кто-то был это сделать. До женитьбы он жил с матерью. В Хайбэри. Очень тихо и скромно.

– Значит, это не просто заурядный выскочка?

– Нет, он скорее рокфеллеровского типа. Слабое здоровье, редчайшая целеустремленность, организаторские способности... Конечно, размах не тот... Но я не завидую мелким кондитерам в том городе, который он задумал прибрать к рукам.

– Он... жесток?

– Беспощаден. И лишен элементарной порядочности... Начисто. Он не признает никаких компромиссов... Вы здесь будете пить чай или домой поедете?

3

Прошла целая неделя, прежде чем мистер Брамли получил известия о леди Харман. Он начал уже бояться, что это сияющее, окутанное мехами видение не украсит более Блэк Стрэнд. Но вот пришла телеграмма, которая наполнила его нетерпеливым ожиданием. В телеграмме было сказано: «Приеду осмотреть дом в субботу Харман».

Утром в субботу мистер Брамли одевался с удовольствием и необычайной тщательностью.

До завтрака он работал рассеянно. Он был поглощен тем, что собирал нити недавнего разговора с леди Харман и вывязывал из них всякие приятные узелки, бантики, сплетая их в причудливые узоры. Он придумывал способы вызвать ее на откровенность, если она будет к этому расположена, а если нет – простодушные замечания и вопросы, которые заставят ее выдать себя. И все время он думал о ней, воображал себе это непостижимое существо, такое молодое, искреннее, свежее и столь несчастливое (он был в этом уверен) в браке с человеком, который, к счастью, по крайней мере смертен. Да, дорогой читатель, уже тогда, в то утро, воображение мистера Брамли, воспитанное на литературе викторианских времен и на французских романах, унесло его далеко вперед, к самому концу нашего повествования... Но мы, конечно, не последуем за ним, наш удел – идти более земным путем. После умеренного, но вкусного завтрака мистер Брамли снова погрузился в туманные размышления, быть может, не столь живые, но, в сущности, ничем не отличавшиеся от прежних.

Сердитый гудок и рев мотора у подъезда возвестили о прибытии гостя еще до того, как Кларенс – на этот раз удивительно расторопный – принялся дергать звонок. И тут весь дом, точно стихотворение Эдгара Аллана По, наполнился великолепным звоном.

Услышав гудок, мистер Брамли бросился к окну и, прячась частью за копию Венеры Милосской в натуральную величину, стоявшую в оконной нише, а частью – за изысканную занавеску, стал рассматривать сверкающий автомобиль. Он увидел большую меховую шубу, в которую был завернут худощавый, седой, волевой на вид мужчина с землистым, как у диабетика, лицом, который искал ручку, чтобы открыть дверцу, не давая Кларенсу прийти на помощь. Мистер Брамли успел мимоходом заметить, что нос у этого человека был длинный и острый, а тонкие, плотно сжатые губы кривились, но глаза мистера Брамли нетерпеливо отыскивали в автомобиле еще пассажирку. Ее почему-то не было видно. Возможно ли, что ее совершенно скрывал поднятый верх? Возможно ли?..

Бледный мужчина вышел из автомобиля, небрежно сбросил на руки Кларенсу огромную шубу и повернулся к дому. Кларенс благоговейно уложил шубу на сиденье и закрыл дверцу. Но возмущенный ум мистера Брамли все еще отказывался верить...

Он услышал, как миссис Рэббит отворила дверь, и тягучий мужской голос что-то сказал ей. Услышал, как этот голос назвал его имя и миссис Рэббит ответила. А потом наступила

тишина, которую не нарушил шелест женского платья, и, наконец, миссис Рэббит со стуком закрыла дверь и повернула ручку. Сомнений быть не могло, и разочарованный писатель совершенно пал духом.

– А, черт! – воскликнул он вне себя.

До сих пор ему и в голову не приходило, что сэр Айзек может приехать один.

4

Но нужно было сдать дом, и притом сдать его именно сэру Айзеку Харману. Поэтому через мгновение знаменитый писатель был уже в прихожей и любезно разговаривал с великим предпринимателем.

Ростом этот человек был, пожалуй, дюйма на три пониже мистера Брамли, волосы у него были каштановые, с проседью, щеки чисто выбритые, лицо не вполне правильное, он был в изящном коричневом костюме и в галстуке точно такого же цвета.

– Сэр Айзек Харман? – спросил мистер Брамли радушным тоном.

– Да, это я, – сказал сэр Айзек. Он, казалось, был чем-то раздражен и громко сопел. – Я приехал посмотреть дом, – сказал он. – Чтобы иметь о нем представление. Боюсь, что он маловат, но если вас не затруднит...

И он слегка надул щеки.

– В любом случае я счастлив видеть вас у себя, – сказал мистер Брамли, в душе кляня его на чем свет стоит.

– Так. Здесь у вас недурная комнатка... очень даже недурная, – сказал сэр Айзек. – Вон там, в том конце, довольно красиво. А сколько здесь всего комнат?

Мистер Брамли ответил что-то невпопад и в отчаянии хотел уже препоручить гостя миссис Рэббит. Но он пересилил себя и стал давать объяснения.

– Эти часы – подделка, – сказал сэр Айзек, перебивая его, когда они вошли в столовую.

Мистер Брамли посмотрел на него с недоумением.

– Я сам видел, – сказал сэр Айзек. – Все эти медные штучки продаются у нас в Холборне.

Они поднялись наверх. Когда мистер Брамли умолкал, сэр Айзек насвистывал сквозь зубы.

– Эту ванную надо будет переделать, – сказал он резко. – Мне кажется, леди Харман понравится комната с нишей, но все это... маленькое. Право, здесь очень мило; вы все очень ловко устроили, но – размеры! Пришлось бы пристраивать еще одно крыло. Но это, понимаете ли, могло бы нарушить стиль. А вон та крыша, там что, домик садовника? Так я и думал. А там что? Старый сарай? Он пустует? За его счет можно немного расшириться. Во всяком случае, в таком виде дом мне не годится.

Он спустился вниз впереди мистера Брамли, все так же негромко насвистывая, и вышел в сад. Мистер Брамли, как видно, был для него лишь сопровождающим, который должен отвечать на вопросы, и продавцом, у которого он намерен купить товар. А такое намерение у него явно было.

– Если б это зависело от меня одного, я ни за что не приобрел бы такой дом, – сказал он. – Но леди Харман здесь понравилось. И кое-что можно приспособить...

За весь разговор мистер Брамли ни словом не обмолвился о Юфимии, о супружестве, счастливой молодости и других воспоминаниях, которые хранил этот дом. Он чувствовал, что это никак не тронет сэра Айзека. Он просто делал вид, что ему безразлично, купит сэр Айзек дом или нет. Казалось, таких домов у него много и он заинтересован в этом деле лишь постольку поскольку. Всем своим видом он хотел показать, что дом имеет свою цену, которую джентльмен, конечно, никогда не позволит себе занижить.

В прелестном саду сэр Айзек сказал:

– Из этого можно бы сделать неплохой садик, если его немного расчистить.

А о нависших скалах в гроте заметил:

– Здесь опасно ходить в темноте.

– Наверное, можно купить или арендовать часть этой земли, – сказал он, указывая на поросший соснами холм. – Хорошо бы прирезать ее к владению и расширить участок.

– На мой взгляд, – сказал он, – это не дом. Это... – Он замолчал, подыскивая выражение. – Это просто живописный коттеджик.

Мы отказываемся включить в наш рассказ то, что сказал, или, вернее, не сказал, мистер Брамли.

Некоторое время сэр Айзек задумчиво разглядывал дом, стоя возле широкой куртины.

– Далеко ли до ближайшей станции? – спросил он.

Мистер Брамли дал исчерпывающий ответ.

– Значит, четыре мили. И поезда, конечно, ходят редко? Не то что в пригороде? Уж лучше доехать автомобилем до Туилфорда и там сесть в экспресс. Гм... А что тут за соседи?

Мистер Брамли кратко рассказал.

– Скоты, конечно, но бывает хуже. А представители власти? Ближайший в Олдершоте... Это в одиннадцать милях отсюда, так? Гм. Насколько мне известно, здесь поблизости не живет никто из писателей, музыкантов или что-нибудь в таком роде, словом из передовых?..

– Нет, когда я уеду, не будет ни одного, – сказал мистер Брамли, пытаясь сострить.

Сэр Айзек мгновение смотрел на мистера Брамли задумчиво и рассеянно.

– Это не так уж плохо, – сказал он и присвистнул сквозь зубы.

Мистеру Брамли вдруг пришло в голову показать сэру Айзеку вид с холма и его рекламу. При этом он рассказал только про пейзаж и предоставил сэру Айзеку заметить рекламу или нет, как ему заблагорассудится. Когда они поднимались по лесистому склону, с сэром Айзеком стало твориться что-то странное: лицо его совсем побелело, и он, задыхаясь, нервно провел рукой по лбу.

– Четыре тысячи, – сказал он вдруг. – Нет, это слишком дорого.

– Крайняя цена, – сказал мистер Брамли, и сердце его забилось быстрее.

– Вам не дадут и три восемьсот, – пробормотал сэр Айзек.

– Сам я не делец, но мой агент говорит... – пробормотал мистер Брамли.

– Три восемьсот, – предложил сэр Айзек.

– Сейчас откроется вид, – сказал мистер Брамли, – вон с того места.

– В сущности, придется перестраивать весь дом, – сказал сэр Айзек.

– Вот! – сказал мистер Брамли и взмахнул рукой.

Сэр Айзек взглянул на открывшуюся перспективу с недовольной гримасой. Его бледность сменилась ярким румянцем, нос, уши, скулы покраснели. Он надул щеки и, казалось, искал недостатков в пейзаже.

– Все это в любое время могут застроить, – недовольно буркнул он.

Мистер Брамли заверил его, что это исключено.

Некоторое время взгляд сэра Айзека рассеянно блуждал по окрестности, потом остановился на чем-то и стал осмысленным.

– Гм, – сказал он. – Эта реклама здесь совсем не к месту.

– Как! – воскликнул мистер Брамли и от удивления лишился дара речи.

– Совершенно не к месту, – сказал сэр Айзек Харман. – Неужели вы не видите?

Мистер Брамли едва удержался, чтобы не поддержать его в самых красноречивых выражениях.

– Надо, чтобы рекламы были белые с зеленым, – продолжал сэр Айзек. – Как объявления совета графства в Хэмпстед Хит. Чтобы они гармонировали с фоном... Видите ли, если реклама слишком лезет в глаза, лучше бы ее совсем не было. Она только раздражает... Реклама

должна гармонировать с фоном. Как будто сам пейзаж говорит это. А не только надпись. Представьте себе светло-коричневый тон, совсем светлый, почти серый...

Он с задумчивым видом повернулся к мистеру Брамли, словно хотел узнать, какое впечатление произвели на него эти слова.

– Если бы этой рекламы совсем не было... – сказал мистер Брамли.

Сэр Айзек подумал.

– Вот именно, чтобы были видны одни только буквы, – сказал он. – Но нет, это уже другая крайность.

Тихонько посвистывая сквозь зубы, он озибался и обдумывал этот важный вопрос.

– Как странно иногда приходят идеи, – сказал он наконец, отворачиваясь. – Ведь это жена сказала мне про рекламу.

Он остановился и стал смотреть на дом с того самого места, где девять дней назад стояла его жена.

– Если б не леди Харман, мне и в голову не пришло бы арендовать этот дом, – сказал сэр Айзек.

И он разоткровенничался:

– Она хочет иметь коттедж, чтобы проводить там субботу и воскресенье. Но я не понимаю, почему только субботу и воскресенье. Почему бы не устроить здесь живописную летнюю виллу? Конечно, придется перестроить дом. Использовать вон тот сарай.

Он насвистал три такта какой-то песенки.

– Леди Харман не годится жить в Лондоне, – объяснил он.

– Из-за здоровья? – спросил мистер Брамли, насторожившись.

– Не совсем, – обронил сэр Айзек. – Понимаете ли, она молодая женщина. И голова у нее набита всякими идеями.

– Знаете что, – продолжал он, – я бы хотел еще раз взглянуть на тот сарай. Если мы его расширим, сделаем коридор там, где вон те кусты, и пристроим службы...

5

Когда они вышли из соснового леса на дорожку, тянущуюся вдоль куртины, мистер Брамли все еще лихорадочно пытался понять, что же подразумевал сэр Айзек, говоря, что у леди Харман «голова набита всякими идеями», а сэр Айзек, тихонько насвистывая, собирался предложить ему за дом три тысячи девятьсот. И тут мистер Брамли увидел меж белыми стволами деревьев, у дома, какую-то голубую грудку, словно кембриджская гребная команда в полном составе затеяла там яростную свалку. Когда они подошли ближе, эта грудка обрела пышные формы леди Бич-Мандарин, в небесно-голубом платье и в огромной черной, украшенной ромашками соломенной шляпе.

– Ну, мне пора ехать, – сказал сэр Айзек. – Я вижу, у вас гостья.

– Но вы непременно должны выпить чаю, – сказал мистер Брамли, который хотел сойтись в цене на трех тысячах восьмистах, но только не фунтов, а гиней. Ему казалось, что это очень ловко придумано, и сэр Айзек непременно соблазнится. – Эта очаровательная дама – моя приятельница леди Бич-Мандарин. Она будет в восторге...

– Боюсь, что это невозможно, – сказал сэр Айзек. – Заводить светские знакомства не в моих правилах.

На лице его выразился панический страх перед величественной женщиной, которая предстала перед ними во всеоружии.

– Но вы же сами видите, это неизбежно, – сказал мистер Брамли, удерживая его за руку.

И через мгновение сэр Айзек, представленный даме, уже мямлил любезности.

Надо сказать, что в леди Бич-Мандарин было такое изобилие всего, какое только мыслимо в одном человеке, – она была большая, пышная и вся колыхалась, любила широкополые шляпы, ленты, оборки, фижмы, свободные рукава, размашистые движения, громкие разговоры и все в том же духе, – словом, это была не женщина, а душа общества. Даже ее большие голубые глаза, подбородок, брови и нос были устремлены куда-то вперед, словно спешили на призыв трубного гласа, и румянец на ее лице был столь же изобилен, как и вся она. Изобилие – самое подходящее для нее слово. Видимо, в пятнадцать лет она была забавной девочкой, крупной, непоседливой, как мальчишка-сорванец, и все ею восхищались; ей эта роль нравилась, и с тех пор она не столько повзрослела, сколько увеличилась в размерах, и притом весьма значительно.

– А! – воскликнула она. – Наконец-то я вас поймала, мистер Брамли! Теперь вы в моей власти, бедняжка!

И она схватила его за обе руки.

Мистер Брамли даже не успел представить сэра Айзека, но как только ему удалось освободить одну онемевшую руку, он указал на этого джентльмена.

– Вы знаете, сэр Айзек, – сказала она, благосклонно взглянув на него, – мы с мистером Брамли старые друзья. Знаем друг друга целую вечность. И у нас есть свои шутки.

Сэр Айзек, видимо, чувствовал, что надо что-то сказать, но ограничился неопределенным хмыканьем, пригодным на все случаи жизни.

– И вот одна из этих шуток: как только я захочу попросить его сделать какой-нибудь совершеннейший пустяк, он сразу прячется! Всегда. Словно нюхом чувствует. Это такой плутишка, сэр Айзек!

Сэр Айзек, по всей вероятности, заметил, что это в порядке вещей. Но у него получилось совсем уж невнятное бормотание.

– Ах, полно вам, я всегда к вашим услугам! – игриво, в тон ей, запротестовал мистер Брамли. – Кстати, я даже не знаю, в чем дело.

Леди Бич-Мандарин, обращаясь исключительно к сэру Айзеку, принялась рассказывать о шекспировской ярмарке, которую она устраивает в ближнем городке, и уж конечно мистер Брамли (этот негодник) ни за что не даст ей несколько своих книжек, хотя бы самых маленьких, с автографами для книжного ларька. Мистер Брамли шутливо протестовал, и щедрость его не знала пределов. Разговаривая так, они вошли на ту самую веранду, где леди Харман так недавно разливала чай.

Сэр Айзек упорно старался не дать этому словесному потоку захлестнуть себя. Он кивал, бормотал «да, да, конечно» или что-нибудь в том же духе и всем своим видом показывал, что ему хотелось бы поскорей уехать. Он выпил чаю, явно чувствуя себя не в своей тарелке, и дважды, самым неуместным образом прерывая разговор, повторил, что ему пора. Но у леди Бич-Мандарин были на него свои виды, и она решительно пресекла эти слабые попытки к бегству.

Эта леди, как и все прочие в те времена, возглавляла свое собственное, независимое движение во всеобщей великой кампании за национальный английский театр, который возродил бы традиции Уильяма Шекспира, и в не использованных еще возможностях сэра Айзека она видела случай увеличить свой личный вклад в великое дело. И так как он явно робел, смущался и норовил удрать, она, не теряя времени, с очаровательной настойчивостью принялась его обрабатывать. Она льстила, лукавила, рассыпала комплименты. Она не сомневалась, что для этого выскочки и торгаша визит леди Бич-Мандарин – огромная честь, и недвусмысленно заявила о своем намерении вознаградить сэра Айзека, украсив его большой, но ничем не примечательный дом в Путни своей визитной карточкой. Она привела примеры из истории Венеции и Флоренции, доказывая, что «такие люди, как вы, сэр Айзек», которые руководят торговлей и промышленностью, всегда были друзьями и покровителями искусства. А кто

более достоин такого покровительства, чем Уильям Шекспир? И она присовокупила, что люди с таким колоссальным состоянием, как у сэра Айзека, в долгу перед национальной культурой.

– Вы должны сделать вступительный взнос, – сказала она с многозначительным видом.

– Ну ладно, если считать округленно, – сказал вдруг сэр Айзек, и на лице у него мелькнула злоба, как у затравленного зверя, – во сколько обойдется мне вступление в ваш комитет, леди Бич-Мандарин?

– Главное для нас – это ваше имя, – сказала она, – но я уверена, что вы не поскупитесь.

Преуспеяние обязано платить дань искусству.

– Сотня?.. – буркнул он и покраснел до ушей.

– Гиней, – согласилась леди Бич-Мандарин нежным, воркующим шепотом.

Он поспешно встал, чтобы пресечь дальнейшее вымогательство; она тоже поднялась.

– И, с вашего разрешения, я нанесу визит леди Харман, – сказала она, желая со своей стороны соблюсти условия сделки.

– Автомобиль не может больше ждать, – только и расслышал Брамли из бормотания сэра Айзека.

– У вас, наверное, великолепный автомобиль, сэр Айзек, – сказала леди Бич-Мандарин, следуя за ним по пятам. – Надо думать, новейшей марки.

Сэр Айзек с неохотой, словно отвечал сборщику подоходного налога, сообщил, что это «роллс-ройс» сорок пятой модели, неплохой, конечно, но ничего особенного.

– Вы должны показать его нам, – заявила она, и сэр Айзек оказался во главе целой процессии.

Она восхищалась автомобилем: восхищалась цветом, восхищалась фарами, дверцами и всеми частями автомобиля. Она восхищалась сигнальным рожком. Восхищалась тем, как он красиво изогнут. Восхищалась Кларенсом и ливреей Кларенса, восхищалась большой меховой шубой, которую он держал наготове для хозяина. («Но она на месте сэра Айзека носила бы ее мехом наружу, чтобы этот великолепный мех был виден весь, до последнего волоска».) А когда автомобиль наконец тронулся и, дав сигнал – она восхитилась его мелодичностью, – быстро и мягко выехал за ворота, она осталась стоять на крыльце с мистером Брамли и никак не могла остановиться, восхищаясь и завидуя. Ее восхитил номер автомобиля Z 900 (его так легко запомнить!). И вдруг она замолчала. Так иногда мы замечаем, что вода в ванной течет впустую, и закрываем кран.

Цинизмом она обладала в таком же изобилии, как и всем остальным.

– Ну, – сказала она со вздохом удовлетворения, и голос ее сразу утратил все восхищенные ноты. – Уж на этот раз я постаралась... Интересно, придет он мне эту сотню гиней сам или же придется ему напомнить... – Теперь она снова вела себя, как большой мальчишка-сорванец. – Будьте покойны, эти денежки от меня не уйдут, – уверенно сказала она, и глаза у нее округлились.

Потом она задумалась, и мысли ее приняли иное направление.

– Плутократия просто отвратительна, – сказала она, – не так ли, мистер Брамли? – И продолжала: – Не понимаю, как это человек, который торгует хлебом и сдобой, сам может быть таким недопеченным.

– Поразительный тип, – сказал мистер Брамли. – Надеюсь, дорогая леди Бич-Мандарин, – продолжал он горячо, – вам удастся повидать леди Харман. Она при всем при том самая интересная женщина, какую мне приходилось встречать.

6

И когда они вдвоем шли через крокетную площадку, мистер Брамли снова заговорил о том, что его так занимало, – о леди Харман.

– Мне очень хотелось бы, – повторил он, – чтобы вы у них побывали. Она вовсе не такая, как можно подумать, глядя на него.

– Что можно подумать о жене, глядя на такого мужа? Только одно – что у нее должно быть ангельское терпение.

– Она, знаете ли, такая красивая, высокая, стройная брюнетка...

Леди Бич-Мандарин пристально посмотрела на него своими круглыми голубыми глазами.

– Но-но! – сказала она лукаво.

– Меня поразил контраст.

Леди Бич-Мандарин ответила на это по-своему, без слов. Она плотно сжала губы, внимательно посмотрела на мистера Брамли, подняла палец на уровень своего левого глаза и погрозила ему ровно пять раз. Потом, тихонько вздохнув, вдруг снова оживилась и заявила, что в жизни своей не видела таких дивных пионов.

– Обожаю пионы, – сказала она. – Они совершенно в моем вкусе.

Глава третья

Леди Харман у себя дома

1

Ровно через три недели после встречи леди Бич-Мандарин с сэром Айзеком Харманом мистер Брамли побывал на завтраке в ее доме на Темперли-сквер, где говорил о Харманах весьма свободно и непринужденно.

У леди Бич-Мандарин всегда завтракали по-семейному, за большим круглым столом, благодаря чему никто не мог выйти из-под ее влияния, и она требовала, чтобы разговор непременно был общий, делая исключение только для своей матери, которая была безнадежно глуха, и для швейцарки-гувернантки своей единственной дочери Филлис, одинаково непонятно объяснявшейся на всех европейских языках. Мать была древняя старушка, состоявшая в дружбе еще с Виктором Гюго и Альфредом де Мюссе; она вечно произносила нескончаемый монолог о личной жизни то одного, то другого из этих великих людей; никто не обращал на нее ни малейшего внимания, но чувствовалось, что она постоянно обогащает застолье подспудными литературными воспоминаниями. За столом прислуживали маленький темноволосый дворецкий с вкрадчивыми манерами и суетливый мальчик, у которого волосы, казалось, росли даже из глаз. В тот день у леди Бич-Мандарин собрались две ее кузины, старые девы из Перта, носившие весьма рискованные шляпки, остряк и критик Тумер, романистка мисс Шарспер (которую Тумер решительно не переваривал), джентльмен по фамилии Роупер, приглашенный по недоразумению, ибо он оказался вовсе не тем знаменитым Роупером, исследователем Арктики, и мистер Брамли. Хозяйка тщетно пыталась расспрашивать мистера Роупера о пингвинах, тюленях, морозах, полярных ночах, айсбергах и ледниках, о капитане Скотте, докторе Куке и о форме земли и в конце концов, заподозрив неладное, оборвала разговор, после чего осведомилась у мистера Брамли, продал ли он свой дом.

– Нет еще, – сказал мистер Брамли, – дело почти не движается.

– Он торгуется?

– Как на рынке. С пеной у рта. Бледнеет и обливается холодным потом. Теперь он хочет, чтобы я отдал ему в придачу садовый инвентарь.

– Такому богачу следовало бы быть щедрее, – сказала леди Бич-Мандарин.

– Какой же он тогда богач, – заметил мистер Тумер.

– Наверное, мистер Брамли, вам невыносимо грустно отдавать дом Юфимии в чужие руки? – спросила одна из старых дев. – Ведь этот человек может все перестроить.

– Это... это очень тяжело, – сказал мистер Брамли, снова вынужденный лицемерить. –

Но я полагаюсь на леди Харман.

– Вы виделись с ней еще раз? – спросила леди Бич-Мандарин.

– Да. На днях. Она приезжала вместе с ним. Эта чета все больше меня интересует. У них так мало общего!

– И разница в целых восемнадцать лет, – сказал Тумер.

– Это один из тех случаев, – начал мистер Брамли тоном беспристрастного исследователя, – когда, право же, испытываешь непреодолимое искушение стать самым ярким феминистом. Ясно, что он всячески пользуется своими преимуществами. Он ее владелец, сторож, бессердечный мелкий тиран... И, однако, чувствуется, что у нее все впереди... как будто она еще ребенок.

– Они женаты уже шесть или семь лет, – сказал Тумер. – Ей тогда едва восемнадцать исполнилось.

– Они обошли весь дом, и стоило ей открыть рот, как он сразу противоречил ей с какой-то злобной радостью. Все время делал неуклюжие попытки ее уколоть. Называл ее «леди Харман». Но видно было, что он запоминает каждое ее слово... Очень странные и очень любопытные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.